

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОНЯТИЕ ВОЛИ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ»

На круглом столе обсуждался вопрос, каким образом в философии трактуется понятие воли и можно ли, опираясь на это понимание, создать методологию для психологического понимания воли. Констатируется, что до сих пор в отечественной традиции нет методологии, которая позволяла бы преодолеть кризис, связанный с невозможностью развития данного понятия. Категория воли рассматривается в ключе историко-философской традиции, она играет важную роль как в античной и средневековой философии, так и в философии Нового времени. Отдельно обсуждался подход Шопенгауэра, который считал, что всё сущее есть объективация воли. Воля также рассматривалась в ее соотношении с такой категорией, как душа, и она в этом случае оказывается структурой души, и с такой, как власть, и тогда воля – это осознанность желания и устремленность к его реализации.

Ключевые слова: воля, желание, воля в русской философии, воля в психологии, воля как лингвистическая категория, Шопенгауэр, воля к жизни, воля к смерти, воля и свобода.

Круглый стол «Понятие воли в теории и на практике», организованный редакцией журнала «Идеи и Идеалы», состоялся в Новосибирской областной научной библиотеке 9 февраля 2017 года. В дискуссии участвовали* *О.А. Донских (ведущий), В.А. Бойко, Ю.П. Ивонин, М.П. Чухрова, А.А. Шевцов, А.П. Ядута, С.П. Исakov.*

Донских Олег Альбертович. Этот круглый стол мы организовали по инициативе Александра Александровича Шевцова. Насколько я понимаю, он, будучи психологом, считает, что значительную роль играет общепhilosophский подход к проблемам, которыми он занимается. И я хочу сразу дать ему слово в качестве вступления к проблематике нашего сегодняшнего обсуждения.

Шевцов Александр Александрович. Добрый день, коллеги. Олег Альбертович попросил меня кратко сформулировать проблемы, определяющие значимость философского обсуждения понятия «воля».

Сегодня воля является предметом психологии, однако еще не так давно считалась традиционной философской темой. При

этом психологическая разработка воли застопорилась в последние десятилетия. Если подходить строго, то в теоретическом плане ничего не делается уже со времен С.Л. Рубинштейна. После него исследования воли велись лишь в практическом плане в педагогике, армии и космонавтике.

Как было сказано в конце девяностых в итоговой работе академика В.А. Иванникова, понятие воли не имеет под собой реального предмета, являясь лишь термином для обозначения самых разных предметов. Иначе говоря, воля в психологии превратилась в терминологическую свалку. Е.П. Ильин в единственной на сегодняшний день обобщающей работе с названием «Психология воли», возражая Иванникову, приходит, в сущности, к тем же выводам.

* Сведения об участниках см. в разделе «Наши авторы».

И это **первая проблема**: психология воли находится в теоретическом тупике и нуждается в методологической помощи со стороны философов. Практическая же работа по развитию волевых качеств фактически сводилась к развитию «силы воли», что является нонсенсом, если воли как таковой нет, и в любом случае без теоретического осмысления была обречена на ограниченность.

Такое положение, если вдуматься, было заложено исходными теоретическими установками, заложенными еще С.Л. Рубинштейном в «Основах психологии» 1935 года. С этой книги начался возврат от ректологии к собственно психологии, что и позволило ввести волю в основную парадигму советской научной психологии. Однако осмысление это было с очевидностью недостаточно и, как и вся фундаментальная теория советской психологии, не давало выхода на прикладную работу. Это, безусловно, **вторая проблема**: как вывести психологию воли на уровень прикладной науки.

Следующей, **третьей проблемой** является то, что воля и психологами, и философами понимается лингвистически. Если в переводе с немецкого работа Ницше звучит как «Воля к власти», а книга Шопенгауэра как «Мир как воля и представление», то не только психологи, но и философы нисколько не сомневаются, что Ницше и Шопенгауэр говорили именно о воле. Но если проделать хоть малейшее исследование, выясняется, что немецкое *wille*, английское *will*, французское *volonte* и даже латинское *voluntas* исходно означают *желание*, и лишь в русских переводах их стали увязывать с волей. Очевидно, это связано с греческим словом *volesis*, которое наши философские словари без малейшего со-

мнения переводят как *воля*. Однако *volesis* исходно означает всё то же *желание*, иногда продуманное желание или осознанный выбор между желаниями. Философ Джордж Агамбен однозначно говорит, что античная философия проблемы воли не знала. Все эти слова европейских языков, обозначающие желание, происходят от индоевропейского корня *uel-, *oel-, означавшего именно *желание*. Поэтому переводы любых европейских философских текстов, использующих подобные понятия, страдают тем, что переводчики вынуждены вымучивать непротиворечивый текст, постоянно оговариваясь, что в оригинале речь идет не о воле, а о желании.

Ни в психологии, ни в философии желаний не существует. И это **четвертая проблема**, которая должна быть осмыслена философами, поскольку греческая философия знала целую науку о желаниях. В трудах античных философов используется более десятка терминов, относящихся к желаниям. Такого обилия понятий нет в русском, и я подозреваю, что и ни в одном другом европейском языке. Греки, особенно Платон и Аристотель, говорят не просто о желаниях, а о том, как ум и мудрость должны править ими, чтобы общество было счастливым.

Утрата понятия желания и создание искусственного понятия воли, в котором благодаря не слишком грамотным переводам Библии с греческого на русский скрыто понятие власти и повеления, привело к тому, что весь этот раздел психологии является понятийной свалкой. И если философы не воспримут как социальный заказ необходимость разработать понятия о началах, лежащих в основах этой науки, психология обречена на то, что этот ее раздел навсегда будет утрачен.

Вот вкратце основные проблемы, которые бы я посчитал достойными обсуждения на философском круглом столе, посвященном понятию воли.

Бойко Владимир Анатольевич. Я хотел бы задать докладчику один вопрос, а затем продемонстрировать, что смысловое пространство «воли» философами освоено вполне успешно. Александр Александрович высказал точку зрения, что в отечественной психологии воля как предмет психологического познания – это установка, сформировавшаяся в 30-е гг. XX в. А как быть с книгой М.Я. Басова «Воля как предмет функциональной психологии», которая вышла в свет 1922 г., где есть и философская, и эмпирическая составляющие и где именно воля выступает в качестве эпицентра «самой передовой» психологии, а именно психологии функциональной? Разве методологически выверенная позиция Басова не свидетельствует о том, что указанная установка оказывала существенное влияние на развитие отечественной психологии уже в 20-е – начале 30-х гг.?

Шевцов А.А. Смена парадигмы происходит после того, как в 1924 г. команда К.Н. Корнилова изгнала Г.И. Челпанова из созданного им Института экспериментальной психологии. Созданная Корниловым школа реактологии воли не признавала, и это стало руководящим подходом. Басов пишет еще в понятиях старой школы. Парадигма же полноценно меняется постепенно, по мере того как власть забирают «реактологи». А Басов завершает предыдущую традицию. Мы знаем, что потом он подвергался всяческому гонениям, его идеи не принимались. Как и Л.С. Выготский, он был апологетом педологии, а педология считалась служанкой

империализма, так как это американская наука. Поэтому когда начали уже в 1932 г. критиковать Выготского, все реактологии переходят в нейрофизиологию, «прячутся» в ней, и Басов становится предметом порицания для «официальной» науки, что не значит, конечно, что он плохой психолог и плохой ученый.

В 1889 г. Николай Яковлевич Грот проводит такой же, как у нас, круглый стол по проблемам воли. Он пишет исходную статью и приглашает тех, с кем хочет об этом говорить. Среди участников есть идеалисты: сам Грот, Лопатин, Бугаев и нейрофизиологи Корсаков и Татарский. Вот эти два направления правят в русской психологии. Где-то между ними появляется то, что делает Басов. Он ближе к нейрофизиологии, но нельзя сказать, что он близок к Челпанову как представителю психологии сознания.

Но он – педагог, а педагоги всегда пишут о воле. И первым о ней заговорил К.Д. Ушинский. Его третий том, который так и не был дописан, содержит материалы о воспитании воли. Басов однозначно развивает (не помню, упоминая ли об этом) то направление, которое предложил Ушинский.

Бойко В.А. Теперь о философском понимании воли. Первая ассоциация, которая возникает в связи с понятием воли, – идея целеполагания. Однако воля не сводится к постановке целей и поиску средств достижения этих целей. Воля также не совпадает с желанием: желание спонтанно, воля постоянна. Постоянство – важная характеристика воли. Разговор о воле есть разговор о целостности, единстве субъекта, личности. Борьбу за эту целостность мы обнаруживаем уже в Античности. Проблема человека была поставлена в V в. до

н.э. софистами: человек – это борьба между естественным и условным. Но протагоровское «человек есть мера всех вещей...» есть не только тупик в познании человека, но и выражение кризиса античной мысли в целом.

Сократ намечает перспективу выхода из этого мировоззренческого кризиса. В размышлениях Сократа я вижу исходный момент оформления философских представлений о воле. Сократ категорически отказывается фиксировать собственные размышления с помощью письменных знаков. Мысль для него – движение, процесс, который нельзя адекватно передать вербально. Вспомним современника Сократа Горгия, который, доказывая, что природа – это то, чего нет, без особых логических затруднений показывает, что мышление не тождественно речам. Вспомним VII письмо Платона, любимого ученика Сократа, где утверждается, что только безумец может пытаться «выразить словами то, что являлось плодом его размышлений, и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки». В человеке Сократ выше всего ставит торжествующую добродетель. Человек, по Сократу, отличается от животного тем, что человек – это воля к торжеству добродетели. Конечно, добродетель сводится античным мыслителем к разуму, к знанию: если ты не знаешь, что такое благо, ты не в состоянии совершать добрые поступки, но если знаешь, то ты будешь совершать только добрые дела. Но у отказывающегося фиксировать свои размышления Сократа знание есть воля к знанию, и ее важнейшая характеристика – постоянство, неизменность. Когда мы имеем дело с афинской школой философии, то для ее представителей (Платона, Аристотеля) именно воля

к знанию определяет человеческое существование. Воля к знанию принципиально отличается от желания что-то знать: желание преходяще и переменчиво, воля – постоянна. Именно воля формирует целостную человеческую личность. Только человек разумный может выступать как человек «волящий». Итак, сущность человеческой природы Сократ и его ученики видели в воле к торжеству добродетели. Но эта воля присутствует далеко не в каждом индивидууме. Отсюда вытекает идея, которая особо была близка сердцам представителей малых сократических школ (киникам, киренаикам), идея безоговорочной дифференциации людей на две неравные группы: мудрецов (идеальных, настоящих людей) и дураков (псевдолюдей). В качестве мудреца, как правило, фигурировал Сократ. Именно Сократ как альтернатива бесконечному множеству псевдолюдей служил олицетворением человеческой природы как таковой.

Трудно переоценить значение воли для европейской философской традиции. Согласно Августину Блаженному, родоначальнику христианской философии, именно воля задает направленность рациональной деятельности. Позиция эта разделяется подавляющим большинством схоластов. В частности, Дунс Скот настаивает, что *voluntas superiores intellectu*¹. Я отвергаю тезис, что философы плохо освоили понятие воли. Как тогда быть со Спинозой? Как быть с Кантом, для которого воля – одно из фундаментальных понятий практической философии? Кстати, у Канта понятие воли практически совпадает с понятием свободы: свобода, по Канту, это способность начинать действие спонтанно, а воля – это способность или

¹ воля выше разума (лат.).

создавать предметы, которые соответствуют представлениям, или определять самое себя как причину для их производства. Жесткая связка воли и разума есть не только у Канта, она присутствует во всем германском идеализме вплоть до Гегеля. У Шопенгауэра воля утрачивает рельефность, определенность, трансформируется в нечто абсолютно смутное. По словам Ницше, после Шопенгауэра философы превратили волю в метафору, наполнив ее чисто поэтическим смыслом. Сам Ницше за стремлением этих философов наделять всё сущее единой волей видел желание «сделать своим богом дурачка» и утверждал, что воля присуща только существам, обладающим интеллектом, а большинство живых существ воли лишено. Особо отмечу, что для европейской философской традиции принципиальное значение имеет различие между рассудком и разумом: рассудок так или иначе связан с желанием, тогда как разум – с волей, разум и воля взаимообусловлены. И поскольку классическая европейская философия – от Сократа до Гегеля – делает ставку на разум, она неизбежно делает ставку на волю. Так что я не вижу оснований считать волю исконно русским понятием – в европейской философии оно давно и прочно укоренено.

Ивонин Юрий Перфильевич. В первых, знание у Платона – это истинное знание-объяснение. Объяснение исходит к началам, которые, по Платону, неподвижны. И никакой воли к знанию у Платона просто нет. Он прекрасно обходится без того, что Фуко потом назвал «воля к Истине». У него это его воспоминание, анамнез совершается не в рационально-волевом порядке, а в момент священного безумия. Познающий у Платона – медиум. У него нечто высокое прони-

кает в тебя, а не ты сам усилием воли туда тянешься.

Бойко В.А. Я говорил о Сократе, а не о Платоне, но наше знание о «философии Сократа» весьма гипотетично. Можно указать на аристотелевскую этику, где в качестве высших добродетелей выступают добродетели интеллектуальные. Они в силу своей бесконечности выше добродетелей моральных. Говоря о Сократе, я прежде всего подчеркивал, что для него знание несводимо к формулировкам, знание есть воля к знанию.

Ядута Людмила Ивановна. Я хочу сказать о Шопенгауэре. Именно Шопенгауэр, а затем Кьеркегор и Штирнер осознали, что весь европейский философский дискурс, который идет от Декарта и достигает расцвета в философии Гегеля, ведет к смерти индивидуума. Шопенгауэр, работавший в рамках философского дискурса Нового времени, исходил из метафоры сознания как сосуда с его содержимым. Отсюда первое положение его философии: «мир есть мое сознание», т. е. мир есть представление в моем сознании. Но, может быть, есть еще какая-то другая реальность? Обращаясь к своему глубинному, внутреннему опыту, Шопенгауэр приходит к выводу, что исследователь – это не только познающий субъект, но и индивид. Человек становится индивидом в силу того, что у него есть тело, и тело оказывается единственной реальностью. Это связано с тем, что мы двойственно относимся к телу: его можно рассматривать объективно, извне, тогда тело – это эмпирический объект (по аналогии с другими эмпирическими объектами); но если смотреть изнутри, то тогда оказывается, что это воля. За самосознанием Шопенгауэр обнаруживает волю, ставит волю перед самосознанием и спрашивает:

«Что есть воля?» Но самосознание безмолвствует, а это означает, что существует только воля. Волю он определяет как в-себе-бытие тела, т. е. Шопенгауэр остается верен классическому принципу единства и тождества, и для него тело – это и есть воля. Воля и тело – это одно и то же. Всё сущее есть объективация воли.

В отдельном человеке воля представлена в качестве индивидуального характера. Единственным определением индивидуального характера является бессознательное стремление. Воля стремится к объективации постольку, поскольку она есть страсть к существованию, и ничего больше. Всё, что мы наблюдаем, все виды и формы поведения – это результат, так или иначе связанный с этой экзистенциальной ситуацией. Индивидуальный характер является совершенно неизменным, поэтому никакое воспитание, никакие нравоучения вообще ничего не могут изменить.

Чухрова Марина Игнатьевна. Воля – это не желание, да?

Ядуга А.И. У Шопенгауэра воля – это желание жить. Воля одна (едина). Она постоянна и неизменна. Объективаций Воли бесконечное многообразие.

Чухрова М.И. Воля постоянна и неизменна, это с точки зрения Шопенгауэра. Чисто прикладная медицинская наука рассматривает волю как волю к жизни – и вдруг воля к смерти появляется. На каком-то этапе появляется воля к смерти. Она проявляется как потребление алкоголя, наркотиков и прямые суицидные попытки, т. е. каким-то образом происходит трансформация воли. Почему воля к жизни переходит в волю к смерти? Или изначально присутствуют и та и другая, и всё зависит от внешних условий, от того, что субъективно?

Ядуга А.И. Воля, если дать более содержательное определение, – это единство утверждения и отрицания, воля одновременно и утверждает жизнь и отрицает ее. Ее в принципе нельзя удовлетворить, и человек приходит к отчаянию. Люди различаются по уровню самосознания. Одни осознают ненасытный характер воли и поэтому становятся более человечными; другие, напротив, утверждают волю к смерти. Но воля к смерти на самом деле есть утверждение воли к жизни, то есть ценности жизни. Суть дела в степени осознания.

Чухрова М.И. И при этом, смотрите, если какое-то желание достигает своего максимума, зарождается антижелание: любовь превращается в ненависть, и разгорается эта ненависть, потом ненависть – опять в любовь. Правильно? Если инь и ян переходят друг в друга, значит, и воля может переходить?

Ядуга А.И. Нет, воля не может. Любовь – это энергия. Ненависть – это временная недостаточность энергии, ослабление любви, но любовь продолжает существовать. Только любовь есть, если есть любовь. Воля – это страстное желание жить. Проблемы возникают в процессе реализации стремления к существованию.

Чухрова М.И. Почему?! Наоборот, сначала желание, потом волевой акт.

Ядуга А.И. Нет, желание можно называть волевым актом, а воля сама по себе – это другое. Воля – это то, что я хочу на самом деле, а то, что я хочу на самом деле, я не знаю.

Бойко В.А. Воля – это не «я хочу», воля – это «я должен». И вот именно «я должен» – это основа того постоянства воли, о котором я говорил.

Донских О.А. Уважаемые коллеги, давайте уж тогда вспомним Виндельбанда.

У него же воля проявляется в трех аспектах: свобода действия, свобода выбора, свобода воления (или у нас переводят иногда «желания»), т. е. она стоит за желанием. Воля его определяет, а не наоборот.

Чухрова М.И. Воля желание определяет?

Донских О.А. Конечно! А то, что вы сказали, это Пушкин:

«Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...».

У меня есть один вопрос все-таки, это к медикам.

Чухрова М.И. Давайте!

Донских О.А. Во-первых, что здесь в обсуждении точно зафиксировано – это, конечно, то, что было в классической философии и перешло потом и в русскую философию (в первую очередь у Соловьева), это связь воли и сознания. Однозначно: воля растёт с повышением уровня, степени сознания. У растений воли нет, у животных что-то появляется, но только человек реально имеет волю. А вопрос у меня вот какой: когда медики назвали алкоголизм болезнью, они начали убивать волю (индивидуальную волю). В каком смысле? Потому что: «Ты болен! Тебе нужно давать лекарства. Ты не виноват в этом. Ты сам не можешь это преодолеть, тебя нужно лечить».

Чухрова М.И. Конечно не виноват. Язвенник же не виноват, что у него язва!

Донских О.А. Понимаете, сама логика, сама идеология ведь появилась в обществе, связанная с этим, что вот эти люди не виноваты, они больные. Понимаете, их приравнивали к инфекционным больным. Я понимаю Казначеева, который говорит о северных народах, у них нет возможности бороться с этим. Просто физиологической возможности, механизма нет. Но у

европейцев-то он есть! А им говорят: «Вы не способны бороться самостоятельно, вы больны». И возникает целая индустрия помощи.

С моей точки зрения, это идеология потребительского общества, когда человек на себя не должен полагаться вообще. Ему все сделают – за деньги. «Ты алкоголик? – ну, сходи в клинику, тебя вылечат, тебе всё что надо сделают. А ты сам – что ты можешь сделать?! Ты же несчастное существо, больное». Вот вы говорите: язва, например, ну он же не сам виноват, что у него язва, он просто допился до такого состояния. Печень виновата. Эта идеология исключает вообще волевое начало самого человека. Вопрос-то вот какой на самом деле: всё-таки либо мы опираемся на то, что человек – это волевое существо, либо мы это исключаем. Я считаю, что идеология современной медицины состоит в том, что она просто исключает вот этот волевой импульс на самом деле.

Чухрова М.Г. Потому что так проще. С позиций медицины, как мне кажется, воля – это осознанность необходимости действия. Попробую объяснить на примере язвенной болезни, алкоголизма, вообще любой другой психосоматики, как попытки уйти от травмирующей действительности. При появлении осознанности возникает власть над болезнью. Если ты осознаешь причинность своей болезни, то ты уже можешь ею управлять. Установив причину, можно найти ей безвредную замену. Когда алкоголик начинает осознавать, что его тяга к выпивке связана с определенным изменением его настроения, он может попытаться включить другие компенсаторные возможности, если у него есть на это воля, конечно.

Бойко В.А. Ага, а если нет?!

Донских О.А. Воля к излечению?

Чухрова М.Г. Воля – это новая идентификация. Это понимание того, что я управляю ситуацией, и она в моей власти. Алкоголизм – это болезнь сознания, точнее, как раз несознания, неосознавания! Язва тоже болезнь сознания: я не перевариваю своего начальника, приходится переваривать свой желудок, и моя язва оправдывает мою неспособность изменить ситуацию. Это психосоматика. Если я начинаю осознавать этот механизм, то возникает моя новая идентичность, она дает энергию действию, что соответствует воле. Если моя самооценка повышается только в состоянии алкогольного опьянения и я смог осознать это, значит, я стимулировал процесс новой идентификации себя как личности.

Ивонин Ю.П. А зачем здесь воля-то? Зачем к воле вообще обращаться? Есть же понятие «рефлексия». Рефлексия разрушает эту цепочку «стимул–реакция», вот она здесь вклинивается... Ну а воля-то здесь зачем?

Чухрова М.Г. Воля – это импульс действия. Это энергия, которая появилась от осознания своего могущества. Это озарение, которое освещает действие.

Ивонин Ю.П. Если я начинаю задумываться, я автоматически не смогу действовать. Если сороконожка задумается над тем, какой ногой ей ступить, она не сдвинется с места.

Чухрова М.Г. Совершенно верно! Вот вы захотели покурить, допустим, и начинаете задумываться...

Ивонин Ю.П. Да, я думаю, я вспоминаю, как легкие...

Чухрова М.Г. Вы думаете: «Я хочу, да... я хочу курить, я думаю о том, как сильно я хочу курить»... И чем больше вы хотите курить, тем больше у вас зарождается

нежелание курить, потому что вы понимаете, что уже, черт побери, не хочется курить. Так сильно хотел, что уже не хочу. А если не задумываться, то курильщик вдруг замечает, что он опять закурил, и сделал это неосознанно. В этом-то весь вред курения. В автоматизме этой привычки, когда поглощается гораздо больше табака, чем это необходимо для снятия напряжения.

Ивонин Ю.П. Вот здесь воля к курению парализуется, скорее...

Чухрова М.Г. Воля – это осознанность. Когда включается осознание желания, то нарастает антижелание. Осознанность поможет сделать правильный выбор: курить или нет, понять, что больше – желание или антижелание, снять напряжение или совершить другое действие.

Донских О.А. Когда Вы определяете как-то вот эти вещи, точнее, работаете с этим, воля как понятие где-то работает или нет? Или Вы это не используете?

Чухрова М.Г. Я вообще-то не задумывалась о воле применительно к психиатрической или наркологической патологии. Как она может работать? Известно, что каждому алкоголику поначалу родственники говорят: «Ну включи ты силу воли! У тебя же сила воли есть!». У него есть сила воли, но она направлена на самоуничтожение. У него воля просто потрясающая (особенно у наркомана), для того чтобы достать наркотик. Но куда она направлена? Это авитальная активность, активность против жизни. Это воля, направленная к смерти, воля к смерти. Причины глубинные, бессознательные. Вначале возникает воля к смерти, а затем уже потребление алкоголя, наркотиков... Осознанность здесь не работает, и наша задача – ее подключить, и тогда, возможно, возникнет разворот воли в сторону жизни.

Бойко В.А. Ницше утверждал, что не-свободная воля – это мифология, есть воля сильная и есть воля слабая. И, соответственно, как сильная, так и слабая воля имеет направленность. И вот Вы свое выступление начали с вопроса об истоках воли к смерти. Воля к смерти, на первый взгляд, представляется иррациональной, воля к жизни может быть рационально оправдана. Последнее, в частности, блестяще удаётся проделать Фридриху Ницше. Кстати, оборотной стороной его апологии воли к жизни выступает критика морали, ведь мораль, согласно Ницше, есть принцип упадка и уничтожения жизни, торжество воли к отрицанию жизни. Относительно воли к смерти немало поучительного можно найти в «грязных» текстах маркиза де Сада. «Божественный» маркиз – не просто носитель материалистического мировоззрения, он доводит до логического конца материализм эпохи Просвещения, ставит вопрос о том, что является смыслом существования Природы. И даёт ответ на поставленный вопрос: Природа существует для того, чтобы уничтожить, она творит ради одной цели, для того чтобы убивать свои творения. Соответственно, человек как часть Природы существует, с одной стороны, для того, чтобы быть уничтоженным, но, с другой стороны, в разуме своем он тождественен Природе как целому и, быть может, несёт в себе потенциал тотального уничтожения, уничтожения всего, что существует. Конечно, рационально человек осознаёт трагичность своего существования, невозможность вырваться из тисков Природы-убийцы, но воля либертена направлена на то, чтобы преодолеть все ограничения, накладываемые на нее Природой и Разумом. Воля одинокого либертена, воля к тотальному уничтожению возвышает его

над Природой, и одновременно в этой воле концентрируются все силы зла, составляющие суть мироздания. Либертен Сада искренне страдает от того, что он рационально понимает невозможность уничтожения Природы, но испытываемые им чувственные наслаждения, которые способны усиливаться до бесконечности, рождают в его сердце веру в сверхрациональную мощь собственного тела. Человеческое тело, тело либертена стремится исчерпать себя в бесконечном оргазме, разрушающем мир. Индивидуализм маркиза де Сада проявляется не просто в торжествующей воле либертена к смерти, но в его воле к тотальному уничтожению, возносящей его над Природой, в воле к бесконечному оргазму, уничтожающему потенциал материи.

Чухрова М.И. Значит, это то же самое, что и наркотическое опьянение.

Бойко В.А. Да! Но, когда мы имеем дело с алкоголиком и наркоманом, мы имеем дело не с постоянством воли, а со спонтанностью желания. У больного человека возникает желание употребить зелье, он его находит и потребляет, желание удовлетворено и на время пропадает.

Чухрова М.И. То же самое, что у маркиза де Сада получить оргазм.

Бойко Владимир. Нет-нет-нет! Принципиально не то! Оргазм, к которому стремятся герои маркиза де Сада, это постоянство уничтожения, это не то, что обладает лишь временным эффектом. Нет! Герои маркиза де Сада делают ставку на постоянный, непрекращающийся оргазм.

Ивонин Ю.П. Вечный кайф.

Бойко В.А. Да-да-да! Оргазм либертена длится беспрерывно и безостановочно, это единство средства и цели.

Чухрова М.И. У наркоманов то же самое.

Бойко В.А. Наркоман, принявший дозу, уходит на время из этой реальности, забывает о реальности собственного Я.

Чухрова М.И. Он не забывает, это то же самое растворение в вечности и отказ от собственного тела. Ну что мне говорить?! Вы попробуйте и сравните.

Бойко В.А. Спасибо за добрый совет!

Исаков Сергей Петрович. Мне кажется, что в разговоре о воле один момент не прозвучал сегодня: видимо, изначально, с появления человечества, всегда различались люди обыкновенные (простые), у которых воля очень скромная такая, бытовая, и люди «длинной воли», по древнемонгольскому выражению, которые могут заставить других действовать согласно своему желанию. Заставить не угрозой насилия, не обманом, не властью... Это нечто волшебное: обычный, казалось бы, человек говорит простые слова, или просто командует – и люди идут за ним, иногда вопреки своим интересам, подчиняются его воле с радостью и воодушевлением. Близкое понятие – «харизма». И мне кажется, что загадка именно этой «длинной воли» всегда интересовала людей и была главным побудительным мотивом в попытках понять, что такое воля.

Забавно, что в советское время удивительным образом все разговоры о воле и ее «воспитании» сводились к тому, чтобы человек обратил свою волю *на самого себя*. Быть волевым значило быть способным заставить *себя* сделать что-то неприятное (в лучшем случае неинтересное), но общественно значимое и одобряемое – учиться, делать зарядку, сдерживать свои чувства и т. п. Но как раз наркоман, который хочет добыть деньги на дозу (и признается безвольным, поскольку не может противостоять своим желаниям), обладает колоссаль-

но сильной волей! Он в сотый раз убеждает людей, которые прекрасно знают, что ему нельзя верить, которые прочли массу книг о том, как нужно противостоять такому манипулированию, – и они в сотый раз опять слушают его и повинуются его требованиям. Это воля, причем воля очень сильная, и вовсе не к смерти. Это такая превращенная, *изверщенная* воля к жизни, ведь ему доза нужна для жизни!

Хоть я и не психолог, но должен присоединиться к Марине Геннадьевне: человеком, с моей точки зрения, управляют его желания. Волевые и интеллектуальные усилия *обслуживают* наши желания, *обеспечивают* их успешное выполнение, но первичны именно желания. Наш разум (интеллект) лишь подсказывает, как быстрее, проще и дешевле достичь желаемого результата. Когда мы «силой воли» подавляем какие-то «вредные» желания, мы этим лишь обеспечиваем исполнение каких-то других, более сильных (или более важных) желаний. С этой точки зрения «безвольный» (в «советском» понимании) человек просто не умеет ранжировать свои желания, или они у него все одинаково сильны, и поэтому побеждает то, которое пришло последним. Эти желания можно как-то сублимировать, переводить одно в другое, но управляет человеком всегда желание. Но вот заставить *других* выполнить эти желания – на это нужно именно волевое усилие. И мне кажется, это главный нерв в понятии «воля».

Донских О.А. Тогда это сводится к воле к власти...

Исаков С.П. Нет! Власть – лишь одна из целей. Это может быть желание любви, денег, справедливости, свободы – чего угодно!

Донских О.А. Просто потому, что ты обладаешь властью в этом случае. Вот, до-

пустим, Наполеон, когда он маршалов создавал, он обладал волей... или как там у Шиллера: «Человека делает великим и ничтожным его воля». Потому что он обладает властью, внутренней властью над другими. Воля тогда в этом случае сводится к власти. Это разные вещи.

Чухрова М.И. К лидерству, может быть?!

Донских О.А. Одна из важнейших тем этого разговора, да. Вот мне бы хотелось одну вещь еще уточнить. Все-таки вопрос теперь к Юрию Перфильевичу. Как Вы считаете: насколько понятие воли разработано в русской философии? Ведь действительно, там слово «воля» встречается довольно часто.

Ивонин Ю.П. Я думаю, что Россия всегда носит шляпки, которые устаревают на Западе. Это ее главное свойство. Я бы согласился и с Александром Александровичем, и с Владимиром Анатольевичем, что воля всегда связана со свободой. И она связана с целью, потому что на самом деле понятие воли же вводится методологическим путем. Это искусственная конструкция, которая вообще ни на какой онтологический статус, в принципе, не претендует. В онтологии ее место уже занято, это понятие *души*. То есть, строго говоря, воля – это структура души какая-то и какое-то ее проявление. А сама душа объясняет факт постановки цели, потому что если мы будем все выводы или все следствия выводить из понятия цели, то мы вынуждены менять традиционную онтологию, с которой работает наука. Если мы ставим цель, мы попадаем в ситуацию, когда поток времени меняет направленность. Обычно мы живем в ситуации, когда нами владеет прошлое, но если ставим цель, будущее обращается к настоящему. В этом смысле понятие воли всегда фикси-

рует прерывание детерминации, она, собственно, для этого и была придумана, и для этого она и используется. Повторяю: здесь усматривается не воля как какая-то способность, а целостная душа, способная преодолеть детерминацию. И из этого клубка души нет какого-то выхода: ее нельзя раздробить на части, и отсюда очень большая сложность: а что, собственно, такое воля? И действительно, здесь огромные трудности.

Я не готов ответить на вопрос: «А в чем сущность воли?». Просто потому, что здесь огромные-огромные проблемы, чисто теоретические. Не методологические, а именно теоретические. По крайней мере, я так себе это понимаю. То есть воля – это всегда что-то, что связано со свободой, но если мы начинаем говорить о свободе, то мы тогда освобождаемся от любой определенности, мы освобождаемся от устойчивости. Тогда мы должны признать, что воля самодостаточна, она сама себя генерирует и сама создает свои вторичные проявления в виде мотива. Но как это рационально представить, по крайней мере, каким-то точным образом, я пока просто не знаю. Отсутствуют необходимые для этого средства описания. Мы попадаем в область метафор, а это означает: любые правила заканчиваются. Поэтому когда мы говорим о воле, то это фактически наше усмотрение, это область *belles lettres* (художественной литературы), где всё годится. Я сейчас готовлю новую книжку, она называется условно «История политической антропологии», про включения политического разума и как он с волей взаимодействует. Я всё-таки тешу себя надеждой, что я с европейской традицией смогу разобраться. А про русскую я ничего не могу сказать, потому что говорить о ней отдельно не приходится, в силу того что она вторична. И поэтому необхо-

димо разобраться первоначально с первоисточниками. С теми оригиналами, из которых она вырастает. Потому что русская философия – это всё-таки скрытые цитаты. Как ни крути, она не самостоятельна.

Бойко В.А. Сделаю шаг назад к Шопенгауэру, затем вернусь к русской философии. Что такое, по Шопенгауэру, воля? Это не только контраста абсолютной идеи Гегеля. Воля Шопенгауэра – это и освоенное романтиками наследие германской средневековой мистики, в частности *Ungrund* Якоба Бёме, Бездна, которая предшествует всему, из которой рождается свет, Бог и рождается тьма, зло. Воля у Шопенгауэра близка концепту *Ungrund* Бёме. Инвариант Бездны находим в творчестве Николая Бердяева, настаивавшего на первичности свободы и постоянно апеллировавшего к Якобу Бёме. В «Философии свободы» Бердяев указывает на онтологическую первичность воли к творчеству по отношению к субъекту творческого акта: творческий акт невозможен в ситуации отсутствия свободы. Бог творит мир, но для того чтобы он сотворил мир, необходима реальность свободы. По сути дела то, что Бердяев называет *свободой*, Шопенгауэр называет *волей*: речь у них (и у Бёме) идет о первооснове всякого существования. Сказанное мной «работает» в пользу утверждения, что *воля* и *свобода* если не синонимы, то близкие друг другу концепты.

Донских О.А. Понятно, Бог должен быть свободен, для того чтобы начать творить.

Бойко В.А. Да! Но свобода – это не атрибут Бога, это реальность, которая логически и онтологически предшествует Богу.

Донских О.А. Потому что в Боге ничего не различается.

Тут у нас получилось, что обсуждение разбилось на две разные темы, на два раз-

ных подхода. Первый напоминает Боровский принцип дополнительности: чем точнее мы пытаемся что-то определить, тем уже будет это определение. Если действительно воля тождественна психике (точнее, душе), то чем точнее мы пытаемся определить волю, тем меньше мы это можем сделать, потому что мы будем сводить ее к действию в какой-то конкретной ситуации, тем самым уходя от целостности. Она оказывается просто вне определения. Это как с любой семантикой, на самом деле. Чем точнее мы пытаемся определить практическое значение слова, тем меньше мы можем это сделать, поскольку мы начинаем определять семантику через прагматику, и наоборот.

Второй подход: воля как свобода. Почему? Потому что «Дано мне тело – что мне делать с ним...». Вот это то, что Людмила Ивановна говорила о Шопенгауэре.

Ядута А.И. Да, но это одно и то же – воля и тело.

Донских О.А. Я про это и говорю, просто я цитирую Мандельштама, но здесь скрыт Шопенгауэр.

Дадим слово теперь Александру Александровичу.

Шевцов А.А. Начну с того же, что и Владимир Анатольевич. Прекрасный вопрос и глубочайшая эрудиция, и поэтому я на него буду отвечать не в одиночку, вот у меня Джорджо Агамбен и еще кое-кто есть, с помощью которого мы с вами будем тут выяснять отношения. Но прежде общий ответ. Я предлагал начать разговор с позиции археологии знания в смысле Фуко, т. е. как движение по понятиям для выявления того предмета, из которого мы, собственно говоря, эти понятия и выводим. Но мы к понятиям не пошли и остались в поле культуры, и это, в сущности, пространство доксы: высказанные мнения без некой поправ-

ки на «как я считаю». Мнения высказаны абсолютные: у Ницше это так, у Шопенгауэра это так и у наркомана так. Но это *мы* так считаем. А как на самом деле?

Дальше. Ни Ницше, ни Шопенгауэр, ни монголы ни разу не использовали слово «воля». Это наши переводчики «узнали», что речь идет о воле. И я пытался вначале сказать, что у нас с вами лингвистическое понимание воли. Переводчик в словаре находит: *wille* – это воля, и вот Ницше у него говорит о воле. Но попробуй сделать этимологическое исследование немецкого, английского, французского *wille*, *will*, *volonte*, и мы не находим «волю», но всюду обнаруживаем «желание»! То, что мы в европейской философии считаем наукой о воле, европеец считает наукой о желании.

Кроме того, я не согласен, что русская философия во всем вторична. Как раз в отношении воли, мне кажется, русские философы создали совершенно новое понятие, которого в Европе нет. То, что Сократ и Платон разрабатывали понятие воли, – лишь устоявшееся в нашей философии мнение. Мы *приписываем* Сократу, Аристотелю и Платону, что они говорят о *воле*. В действительности греческая философия создала глубоко проработанную науку о *желаниях*. Греческий язык имеет такое количество имен для желаний и оттенков желаний, какого нет ни в русском, ни в других европейских языках, но не буду перегружать ими нашу беседу.

То же самое можно сказать по поводу других европейских философов. Когда мы «узнаем» у них теорию *воли*, в действительности европеец использует понятие, которое гораздо больше означает *желание*. Например, «Критика практического разума» Канта считается целиком посвященной теории волевых актов. Но давайте-ка приведу цитату из того же Агамбена по поводу рассуждений

Канта о власти и воле, как у нас считают, а в действительности по поводу возможности иметь желание: «Это усложнение принимает у Канта крайнюю форму, когда, находясь в “Метафизике нравов” в поисках наиболее приемлемой формулировки для своей этики, он дает со всех точек зрения бредовую позицию: *Mann muss wollen können* – *должно мочь хотеть*». *Wollen* – хотеть!

Вот теперь можно было бы от критики перейти к определению понятий. Каждый из нас понимает волю по-своему. Мы готовы спорить, но мы о разных вещах спорим. А стоило бы разобраться с понятиями: что понимали под волей Ницше, Шопенгауэр, что понимает современная европейская философия. И лучший из наших современных исследователей воли академик В.А. Иванников, и лучший из дореволюционных психологов Константин Дмитриевич Кавелин (за 125 лет до Иванникова!), утверждают: воля – это сложное и искусственное понятие, в которое объединили как в понятийную свалку несколько вполне определенных психических процессов. Иначе говоря, мнение лучших психологов воли таково: никакой воли в действительности нет, а есть искусственный конструкт, которым называют весьма разные вещи.

Один видит в воле желание, второй видит власть, третий – веление или целеполагание, наложенные на выбор. Это методологическое противоречие можно считать социальным заказом для философии.

Наше лингвистическое понимание воли закреплено во множестве неверных переводов иностранных авторов вроде Ницше. Однако внимательное отношение к их текстам, сопровождаемое долей здравого сомнения, выявляет, что они говорят *не о воле*. Наши переводы европейских философов здесь отчетливо хромают.

Донских О.А. Перевод это всегда проблема...

Шевцов А.А. Проблема в том, чем мы пользуемся сейчас в качестве понятий, как инструментами философствования.

Донских О.А. Мы обычно, завершая круглый стол, каждому предоставляем пару минут, чтобы подытожить главное, что вынесено из разговора.

Бойко В.А. Выскажусь еще раз по сути дела. Не об интерпретациях, а по сути. Я настаивал, что воля, в отличие от желания, обладает постоянством. Не случайно, когда мы говорим о Боге, мы используем словосочетание «божественная воля», что подчеркивает онтологическое постоянство, совершенство Творца. Словосочетание «божественное желание» в данном контексте мне кажется нелепым. Разговор о воле, по сути своей, есть разговор о постоянстве, о целостности и цельности долженствования, есть разговор о единстве и свободе личности. И разговор этот ведется в рамках европейской философской традиции, начиная с Античности, когда были обозначены контуры принципиального различия воли и желания.

Ядуга А.И. Трудность заключается в том, что это *мы* спрашиваем о том, что такое воля. А воля – это то, что противоположно интеллекту. Проблема в том, что мы прежде всего есть воля, поэтому нам трудно это обсуждать.

Чухрова М.Г. Я абсолютно согласна с Людмилой Ивановной. С тем, что воля – это такой неуловимый, многомерный феномен, который не укладывается в наш трехмерный интеллект. Это понятие такое же неуловимое, как и душа. Волю, видимо, мы не можем осознать своим трехмерным умом. Вот всё, что я поняла.

Исаков С.П. Хочу поделиться одним наблюдением. Одно из значений слова

«воля» в русском языке соответствует значению слова «свобода». Но в значении «волеизъявления» мою волю (как свободу) ограничивает только чужая воля. То есть в этом смысле воля и свобода противоположны друг другу. Такое вот парадоксальное сочетание смыслов одного и того же слова.

Шевцов А.А. Что бы я хотел сказать в заключение? Что вот этот несколько агностицистский вывод, который здесь несколько раз прозвучал, о том, что мы не можем определять и понимать волю, совершенно не обоснован, а является мнением, которое рождается из ощущения, что мы не можем войти в этот предмет. Это действительно очень сложный предмет для созерцания, но должен сказать, что мы с вами, господа, *и не пытались* определять это понятие. Однако были люди, которые пытались, и мы можем им последовать. А этой темой должны заниматься именно философы в плане методологии и археологии понятий.

Ну а завершить я хочу словами Кавелина, который уже в 1872 г. разделил понятия, отделив «лишние» составные части и выделив ядро, которое соответствует нашему родному языку, и, убрав дополнительные смыслы, определил *главное*. Цитирую: «Из всех вопросов психологии самый спорный и самый трудный для разрешения есть вопрос о произвольной психической деятельности. Это и понятно: произвольной деятельностью завершается весь круг психических явлений. Она есть самое полное и самое характеристическое выражение психической жизни».

В сущности, Кавелин говорит, что психология воли должна быть вершиной вообще всей психологии, и из нее должна рождаться прикладная психологическая наука. Но ничего этого не получится, если для психологов методология и понятийный аппарат

не будут разработаны философами. Философы рано умыли руки от проблемы воли.

Донских О.А. Вы знаете, я хочу зайти немножко с другой стороны. Вот есть одна античная философская школа, о которой написано гораздо меньше, чем она этого заслуживает, – стоики. Не случайно само понятие стоика подразумевает волевого человека. Хотя их позиция диаметрально противоположна тому, что говорит Кавелин. Стоик говорит: я должен следовать природе. Никакой произвольности! Но следовать природе оказывается *гораздо труднее*, чем реализовывать свою произвольность. Когда император Веспасиан казнит стоика по имени Приск, тот совершенно спокойно это воспринимает. Веспасиан говорит: «В моей власти казнить тебя». Приск отвечает: «А в моей – умереть как подобает». Это, конечно, проявление воли. Но он следует природе, он исключает произвольность.

Характерно, что философы подчеркивают постоянство воли, а с точки зрения психологии дело выглядит так: вот обстоятельства заставляют меня поступить таким

образом, а я проявил волю и пошел не туда. Если же рассматривать постоянство воли как некую жизненную позицию, то произвольные желания – лишь некая рябь на этом фоне.

Шевцов А.А. Но ни один стоик не говорит о воле. Они о чем-то говорят, что мы понимаем (и переводим) как воля. В греческом языке нет слова «воля».

Донских О.А. Я догадываюсь.

Ядута Л.И. А Вы уверены, что воля – русское слово?

Шевцов А.А. Конечно. Этимология этого слова прозрачна.

Донских О.А. Русская *воля* не переходит в философию. Она сводится к Соловьевскому:

«Какую мне избрать дорогу
Кого любить, чего желать?
Идти ли в храм молиться Богу,
Иль в лес прохожих убивать?»

На этом позвольте закончить. Спасибо всем, кто принял участие в сегодняшнем круглом столе.

THE CONCEPT OF WILL IN THEORY AND PRACTICE

The round table discussed how philosophy interprets the concept of will and whether it is possible, basing on this understanding, to create a methodology for a psychological understanding of the will. It is stated that so far in the domestic tradition there is no methodology that would overcome the crisis associated with the inability to develop this concept. The category of will is considered in the key of the historical and philosophical traditions; it plays an important role both in ancient and medieval philosophy, and in the philosophy of modern times. Special attention was paid to the Schopenhauer approach, who believed that everything is an objectification of the will. The will was also discussed in its relation to such a category as the soul, and in this case the will becomes a part of the soul; and the concept of the will was also considered in its relation to the notion of power: in this case the will is the awareness of desire and aspiration for its realization.

Keywords: the will, desire, the will in Russian philosophy, the will in psychology, the will as a linguistic category, Schopenhauer, the will to live, the will to death, the will and freedom.